

АНДРЕЙ
ПОСНЯКОВ

АТАМАН
НОВАЯ ОРДА
ИМПЕРАТОР

АЛЕКСАНДР
ПРОЗОРОВ

ВОЕВОДА
КРЕСТОВЫЙ ПОХОД

АНДРЕЙ
ПОСНЯКОВ

ИМПЕРАТОР

ЭКСМО
МОСКВА
2013

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
П 62

Разработка серийного оформления *С. Власова*

В оформлении переплета
использована работа *В. Ненова*

Посняков А.

П 62 Император / Андрей Посняков. — М. : Эксмо, 2013. — 416 с.

ISBN 978-5-699-65560-1

1413 год...

Власть Великого князя Георгия Заозерского распространилась не только на все русские земли и Орду, но и на Литву, Польшу, Ливонию. Границы Руси вплотную приблизились к Священной Римской империи. Князь уже и сам стал забывать, что на самом деле он российский бизнесмен Егор Вожников, ради обретения необычных способностей решивший испробовать старинное заклинание. Ему теперь не до воспоминаний. Ведь германский император Сигизмунд лелеет мечту пойти войной на русские земли, организовать новый крестовый поход, повсюду сея смерть и разрушения. Единственный, кто может остановить захватчика, это князь Георгий, ибо властелин русских земель обрел волшебный дар предвидения, но, как оказалось, не навсегда...

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Посняков А., 2013
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2013

ISBN 978-5-699-65560-1

ГЛАВА I

У каждого мгновенья свой резон...

Заросли бредины у болотины шевельнулись, словно там крался кто-то... Человек или зверь?

Высокий, едущий впереди небольшого обоза мужчина, придерживав коня, всмотрелся в кусты, поправил висевшую на боку саблю в потертых, выдавших виды, ножнах. Широкое, в общем-то добродушное лицо всадника, обрамленное густою черною бородой с серебрившейся сединою, ныне искажало предчувствие какой-то опасности, еще неведомой и, быть может, существовавшей пока лишь в мыслях.

— Соболь! — не выдержав, выкрикнул сидевший на первом возу парень в нахлобученной по самые брови шапке, отороченной беличьим мехом. — Семен Игнатьич! Глянь-ко! И впрямь — соболек! Может, стрелой его достанем?

Он схватил уже лежавший рядом, на возу, лук, да чернобородый Семен Игнатьевич, поправив синий, доброго фряжского сукна кафтан, под которым угадывалась кольчуга, обернулся с усмешкой:

— Ну, че выдумал, Афанасий?! Откель здесь, под Юрьевом, соболь-то? Поди, чудь местная да орденские немцы давно всех соболей повыбили. Куница то, не соболь!

— Да как же куница, Семен Игнатьич! — упрямо набычился Афанасий. — Что я, соболя от куницы не отличу?

Сказав так, парень, пряча обиду, отвернулся, посмотрел на прочих обозников — все мужики опытные, справные... впрочем, были и молодые ребята, человек пять:

— Эй, вы-то что скажете, отроци? Соболя?

— Да и не заметили как-то, — подъехав, ухмыльнулся в седле юноша в коротком татарском азяме до колен. — Но соболя тут давненько не водится — Семен Игнатьевич прав. Иначе что б мы немчуре продавали? Смекай, Афанасий!

Молодой человек постучал себя пальцем по виску и засмеялся. Смех его поддержали в обозе все, даже те, что у самых дальних телег ошивались — эти-то, спрашивается, что и видели?

— Вот, ржут, лошади! — обиженно сплюнув, Афанасий нахохлился, словно воробей у весенней лужи.

И в самом деле, сей обидчивый молодой человек сильно походил на воробышка. Худой, сутулый, с вечно растрепанными соломенными волосами и порывистыми движениями подростка, Афанасий был нынче в обозе самым юным — парню не исполнилось еще и семнадцати.

А уже не кто-нибудь — а молодой приказчик! Ну, то, конечно, дядюшки двоюродного заслуга — славного новгородского купца, «заморского гостя» Семена Игнатьевича Игнатова: пригред сироту, не обидел — все ж родная кровинушка.

— Ладно, ладно, — посмеялся в усы купец. — Едем. Инда некоторым тут все еще соболя чудятся. Эй, Кольша, — чего застыл?

Кольша — тот самый насмешливый парень в азияме — дернул поводья коня, догнал переднюю телегу:

— Ай, Афанасий, и где ж тут твой соболь?

— Да там он, там — вона, в кусточках таится, ждет, когда проедем... видать, нора у него там где-то поблизости.

— Нора, — презрительно скривился Кольша. — Вечно тебе, паря, все чудится — то соболь, то людишки лихие.

— Да не чудится! — взорвавшись, Афанасий соскочил с телеги и, догнав купца, швырнул шапку оземь. — Семен Игнатьич! Дозволь быстренько глянуть! Ну, соболь то был... И вчера кто-то за нами шел, таился — я ж чувствую, я ж охотник. Да у нас, в Обонежье...

— У них в Обонежье и соболей-то никто не видал, охотнички те еще! И-и-и, Афоня!

Позади снова грянул хохот — понятно, поддерживали все насмешника Кольшу, а тот и рад — сам-то коренной, новгородский, семейка его всю жизнь на Плотницком конце проживала, и все остальные обзники: кто с Плотницкого, а кто со Славны — Торговая сторона, друга за дружку горой, вечно с софийскими робятами по праздникам на мостах дрались. А Афанасий им кто? Да никто. И что с того, что Семену Игнатьевичу двоюродный племяш? С Обонежья Нагорного до Новгорода-то — у-у-у... Неделю на лодке плыть да на коне скакать... инда еще и не во всякую пору проедешь с погоста-то Пашозерского. Чужак, чужак Афанасий — деревенщина, что с таким и говорить-то? Одеться как следует и то не умеет, все в онучах ходил, в лапотках да в кожаных плетеных поршнях, это сейчас малость пообтесался, сапоги

себе справил, да в Юрьеве-Дерпте сторговал за полста кельнских грошей кафтан. С чужого плеча — сразу видно, что и говорить — деревня! Привык там у себя, в Обонежье, с весьянами якшаться, а весяне те, многие говорят — язычники!

— У них там, в лесах, пнищам трухлявым молятся да знать ничего не знают. Какой там соболь? Белка — и та за счастье! Ох-хотник, ха!

— Дядюшка, Семен Игнатьевич! — От обиды Афоня чуть на колени не пал — хотел, да постеснялся: засмеют, скажут опять — деревенщина неотесанная!

А он, Афоня-то, между прочим, и немецкий уже почти выучил, и латынь немного, и даже свейский... так, чуть-чуть, так ведь тот же Кольша и немецкую-то речь — через пень колоду, а уж о свейской и знать не знал. А туда же — насмехается!

— Дозволь, дядюшка, соболя поискать, запромыслить, все равно ж — сам сказал — сейчас на привал.

И столько мольбы было в светлых глазах нескладного, угловатого паренька, столько обиды...

А позади — снова хохот:

— Афонька-то там посейчас расплатится, ровно дите малое. А говорит — шестнадцать уже!

— Да врет он все! Кольша, слышь, у них, в Обонежье, и годов-то считать не умеют... а токмо соболей!

— В Обонежье-то и крашенная собака — соболь!

— А рукавицы они знаете как называют? Дянки!

— А когда хорошо, говорят — дивья!

— От деревенщины лыковые!

Тут и гость торговый не выдержал, обернулся, брови сурово сдвинув, погрозил кулаком:

— А ну, цыть! Ишь, рассупонились. Место лучше для дневки приглядывайте.

Оно, конечно, неплохо, когда есть в обозе такой человек, как Афоня, парень незлобивый, скромный, над которым и посмеяться можно без всяких обид, пошутить шуточки... как вон, вчера, привязали сонного за ногу к старому пню. Забавно вышло. Оно, когда с шуткой все — славно. И путь быстрее проходит, и об опасностях народ меньше думает, и по дому меньше скушает. Главное только — следить, чтоб до слез не доводили парня.

— Ужо сходи, Афанасий, — может, и впрямь соболю? А не соболю, так какую иную дичь добудь — как раз нам на обед.

— Ой, благодарствую, дядюшка! Век за тя буду...

— Да беги уже! А вы что выпялились? А ну-тко — живо у меня по дрова! Во-он на этой полянке и встанем.

Схватив саадак с луком и стрелами, Афанасий бросился с дороги в лес — в заросли орешника, рябины и липы. Уж если куда соболю и побежал — так только туда, уж не в болото же — а тут, почитай, по обеим сторонам дороги — трясина. Самому бы не пропасть — да уж Афоня человек опытный. Охотник, зря те смеются... лошади. Бывало, с батюшкой-то покойным и на медведя хаживали — сам-два — и на волка, и на рысь... Ну, рысь Афанасий и сам бить наловчился. Как белку — в глаз.

Быстро прошерстив весь орешник, юноша поглядел под липами и, обнаружив лишь отпечатки оленьих копыт, — остановился, перевел взгляд на темнеющий невдалеке ельник. А не туда ль соболек и подался? Конечно — туда.

Обнаружив рядом с ельником ручеек, Афоня никуда дальше и не пошел, схоронился в кустах можжевельника, держа лук со стрелой под рукой. Солнышко-то нынче разжарило — хоть и начало мая, а здесь, в ливонских землях, тепло, жарковато даже. Вот и зверь — рано или поздно, а к водою придет, терпение только нужно. И — не спугнуть бы, не спугнуть.

Отрок улыбнулся и чуть прищурил глаза от яркого солнца. Уж тут-то он не прогадает — умеет и ждать, и таиться — охотник, что б там ни говорил этот краснощекий черт Кольша! Ишь, смеются... поглядим еще, поглядим!

Соболь это был, соболев — что ж, Афоня не отличил бы его от лисы или куницы?

Что-то промелькнуло совсем рядом — чья-то стремительная серая тень! Юноша вскинул лук и, углядев за кустом зайца, разочарованно свистнул — а ну-ка, беги отсюда, серый. Заяц в эту пору — никакая не дичь. Его по зиме хорошо кушать, нынче же заяц клещ сосет, болезни разные через слюну свою поганую напускает. Болезни те к косому не пристаю, а вот человек от них и помереть может. Так что скачи себе, зайчик, дальше — липу, вон, погрызи.

И вновь принялся ждать Афанасий, забыл уже и про обоз, и про то, что дневка — не вечная. Совсем забыл — охотничий азарт ухватил парня со всей своей властной силою, так, что и не упомянешь ничего, кроме охоты, и не уйдешь. Ох, напрасно отпустил парня дядюшка Семен Игнатьевич!

Таился Афоня в можжевельнике, соболя с терпеливостью поджидал да о своем думал. О том, что вчерась шли за обозом какие-то люди — то и должно было дядюшке, да тот лишь махнул рукой — мало ли

кто нынче по дорогам ездит да ходит? Ливонские земли — эт те не Пашозерский погост — народу-то куда как побольше. Вот и ездят. Кто в Дерпт-Юрьев на ярмарку, кто обратно, кто на поля — сев! — а кто и к озеру Чудскому, за сладкой рыбкою. Отрок и спорить не стал — гостю заморскому лучше знать. Однако для себя все запомнил — и сегодня, к ночке ближе, ладил посмотреть: кто ж там все-таки бродит? Все же казалось парню — вроде как таясь шли. Не нагоняли, но близехонько — то всегда по птицам орущим видно. Они — птицы-то — и сейчас орут, кружат. Но то ясно, почему — обозники на привал становятся, дровишки для костра рубят. Вот что-то звякнуло, а вот заржала лошадь — нехорошо так, тревожно. Наверное, увидала змею или почуяла волка.

Оп! Налетевший вдруг ветерок, легкий и по-весеннему теплый, принес запах зверя — еле различимый, но Афанасий сразу почуял, вскинул лук, затаил дыхание...

Ну, вот он — соболь! Небольшой такой зверек, мохнатый, с круглой головой и чуть вытянутой мордочкой. А мех... Пей, пей, соболек! Теперь уж ужо... А меха-то и нет! Плохой мех-то — весна. Превжний-то мех, пушистый, зимний — когда соболя только и бить! — сошел, а новый, летний... не мех, а смех!

И чего ради приложить стрелой зверя? Гордость свою потешить, чтоб знали все, кто такой Афанасий, сын Трегуба Иванкова? Не-ет, настоящие охотники так никогда не поступают — не дело то! Зверя, если не нужен, не стоит бить... Смеяться, правда, будут... Да пусть себе смеются! Брань — и та на вороту не виснет, а уж смех — и подавно.

Усмехнувшись, отрок поднялся на ноги и вышел из-за кустов — только соболька и видали! Ускользнул в ельник вмиг, лишь хвостом махнул напоследок. Да и ладно! Куда лучше сейчас какую-нибудь дичь запромыслить — перепелку, тетерку, рябчика. Чуть подальше — во-он там, в борке, наверняка есть кто-то. Наверняка! Правда — крюк, ну да ладно — ноги крепкие.

Опытный, несмотря на юность, охотник Афоня подстрелил двух тетерок довольно быстро — можно сказать, дичь сама в руки далась, — и, кинув птиц в котомку, зашагал к дороге.

Юноша в поисках соболя и дичи зашел довольно-таки далеко — и теперь нужно было как можно скорей возвращаться или уж в крайнем случае перехватить обоз по дороге, стерпев все последующие насмешки. А дичь — она и на ужин сгодится, хоть в лесу ночевать, хоть на постоялом дворе, — хозяйка запечет или сварит.

Углядев за черноталом дорогу, отрок еще прибавил шагу и уже почти бежал, перепрыгивая с кочки на кочку, когда вдруг услышал впереди ржание. Обоз!

Афоня хотел уж было покричать, помахать своим — те вот-вот должны были показаться из ельника... и показались...

Какие-то мрачного вида всадники в темных плащах, судя по одежде — немцы! Живо схоронившись за куст — а пушай, от греха, проедут, — юноша всмотрелся. Никакие это были не торговцы, а люди воинские, может быть даже — рыцари или сержанты, кнехты. На ком-то поблескивали кольчуги, на ком-то — кирасы латные, а у кого-то смешно топорщились бархатные, с гвоздочками, курточки — то не курточка, а боевой доспех из обшитых тканью пластин, на-

зывается бригантина и стоит — Афанасий сам видал в Дерпте на рынке — двадцать пять золотых монет — гульденов или флоринов, или венецианских дукатов! А двадцать пять флоринов — это... это... это... ммм... это почти две тысячи серебряных грошей — жалованье младшего приказчика за целый год беспорочной службы! Даже на один грош, и то много чего купить можно — скажем, кельнский фунт мяса, или дюжину яиц или пирогов, или... да на целый день хватит, а ежели скромненько — так и на два!

— Раз, два, три... — На всякий случай отрок шепотом считал немцев, знал: купец о них обязательно спросит, а сведения должны быть точными. — Дюжина и два... дюжина и три...

У всех всадников покачивались подвешенные к седлам шлемы — обычные, без всяких выкрутасов, каски, которые с удовольствием надевали в битву и рыцари — меч с таких касок соскальзывал. Кроме касок с латами имелись, конечно же, и длинные рыцарские мечи, и палаши, и боевые топоры — алебарды, а также еще кистени, шестоперы, палицы... ого! Еще и арбалеты — не со стременем и рычагом «козья нога», а с зубчиками — кремальерой — удобней в лесу для зарядки, можно с лошади не слезать. Однако куда ж они такие оружные направились-то? К Чудскому озеру, в псковские земли, кои ныне Господину Великому Новгороду подчиняются, или Новой Руси, как его еще прозывали? Так вроде Новгород с орденскими немцами не воюет. Ни с недавно разгромленными тевтонцами, ни с ливонцами... Зачем тогда столько оружия с собою возить? Больших разбойничьих ватаг — про то дядюшка Семен Игнатьич говаривал — в здешних лесах нет, а малые...

— ...три дюжины и один, три дюжины и три... сорок!

...а малые на сорок человек не сунутся! Тем более те без товаров едут, без телег... А! Вот и гербы!

Афоня наконец-то разглядел на плащах всадников золотые с черным кресты да черного же одноглавого орда на золотом поле. Теперь все ясно — тевтонцы. Новгороду — Новой Руси — они теперь не враги, мира, торговлишки выгодной ищут. У тевтонских немцев, дядюшка рассказывал, самые лучшие корабли — не у всякого ганзейского города таковые сыщутся. С такими-то кораблями — чего бы не торговать-то? Вот и посуху, бывает, торгуют... хотя эти-то вовсе на купцов не похожи... Ха! Ну, конечно ж! Ясно, куда эти тевтонцы едут, тут и думать нечего — в Псков, на службу воинскую наниматься, рубежи литовские охранять... бывшие литовские, а ныне — Новой Руси! Витовта с Ягайлом нет ныне — убиты иль бегают где — бог вест! Великий князь Егор-Георгий Заозерский всех прогнал, а еще ране — с Ордой замирился, царицу на престол посадив. Теперь та царица князю Егору обязана, вот и мир — никто с набегами на землю русскую не приходит. Правда, у самих замятни хватает — то там, то сям — все обиженные правды ищут: то бывший московский властелин Василий, то тот же Витовт, а то — и кто из татарских царевичей, бабу на ордынском троне терпеть не желающих.

Да! Эти — на службу едут, деньжат подзаработать — дело верное, платят русичи нынче щедро! А говорят промеж собою чудно. Афоня прислушался, приложил руку к уху: вроде и немецкая речь... но не такая, как у орденских или, к примеру, ревельских да дерптских немцев — другая совсем, мало что и понятно.

Да и черт с ними со всеми — пусть себе едут. А показывать себя нечего — вдруг что задумают? Одинокого-то путника пограбить — милое дело, пускай и нечего, честно сказать, с Афанасия взять. Хотя... как же нечего-то? А тетерки?

Пропустив непонятных немцев, подросток еще некоторое время выждал — вдруг да вернутся за чем-нибудь? — и, выбравшись на дорогу, побежал к обозу.

Между прочим, далеконоько пришлось бежать-то! Взобрался на горушку, с нее — вниз, да вброд через неширокий ручей, потом опять на пригорок, и снова — вброд, потом — ольшаником, ельником — а уж опосля... опосля и поляна знакомая показалась.

Никуда еще не делись обозные, даже волов да лошадок, пастишь пущенных, в возы не впрягли. Посреди полянки догорал костер, а вокруг... Выбежав из-за елочной молодил, отрок так и застыл в изумлении, отчаянии и горе!

Все обозные — все, кого он знал, включая самого купца, Семена Игнатьевича, — валялись на свежей травке в самых различных позах. Мертвые! Точнее сказать — убитые. Кто с проломленной головой, кто с разрубленной шеей, а кто и со стрелой в сердце... И все — добыты, ни одного раненого...

— Господи-и-и-и!

Оббежав всех и не отыскав ни одного живого, Афанасий грохнулся на колени в траву и принялся истоиво и громко молиться:

— Господи... да что же это такое? Да за что, господи?

— Умм... — кто-то вдруг застонал, совсем рядом.

Афоня вскочил с колен, бросился к ракитнику — оттуда и слышался стон.